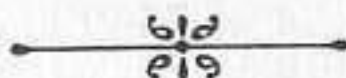

К. ВАЛИШЕВСКИЙ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

*Репринтное воспроизведение
издания 1912 года*

"И К П А"
МОСКВА 1989

К. ВАЛИЩЕВСКІЙ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ

(1530—1584).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

МОСКВА.

Типографія „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ 3-я Тверск.-Ямская, 34.
1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новая Россія въ преобразованіяхъ Петра Великаго и Екатерины Великой является уже вооруженной съ ногъ до головы для всѣхъ завоеваній моральныхъ или матеріальныхъ, приведенныхъ въ исполненіе въ то время или послѣ.

Извѣстно, что въ своемъ твореніи Петръ Великій имѣлъ предшественниковъ и явился продолжателемъ.

Чѣмъ? Непосредственные его предшественники—первыя Романовы—правители государства, лишенинаго всякаго сношенія съ Европой, закрытаго для постороннихъ вліяній, и не имѣющаго возможности собственными силами достигнуть хотя первоначальной цивилизаціи. Восходя далѣе, къ послѣднимъ годамъ 16-го вѣка, мы встрѣчаемъ „Смутное Время“, т. е. беспорядокъ и анархію, варварство и мракъ. Между тѣмъ, разсматривая ближе, можно замѣтить, что внезапный свѣтъ цивилизаціи, озарившій Россію въ 18 вѣкѣ, не есть ея разсвѣтъ. Для восходящаго солнца этотъ свѣтъ имѣетъ слишкомъ много блеска. Петръ Великій не ошибся, и мракъ изъ котораго явился его блестящій геній, былъ только лишь временнымъ затмѣніемъ.

Внѣшнее и внутреннее развитіе великой Имперіи совершалось въ такомъ порядкѣ, какой имѣетъ система снѣжныхъ лавинъ.

Послѣ долгаго промежуточнаго времени внезапное перемѣщеніе центра тяжести обозначаетъ стремленіе впередъ, съ нѣкоторыми остановками болѣе или менѣе продолжительнаго характера.

Подобное явленіе повторялось уже нѣсколько разъ и, повидимому, должно появиться еще. Причина его и объ-

ясненіе очень естественны: совершая великую задачу, предназначенную судьбой, народъ неизбежно долженъ былъ встрѣчать препятствія и увеличить свои усилія.

Въ это время и въ слѣдующее двадцатилѣтіе прогрессъ народа задерживается во внутреннихъ дѣлахъ, а во внѣшнихъ останавливается на пути, по которому слѣдоваль прежде. Это оттого, что дѣятельность его была направлена въ другую сторону; къ завоеваніямъ новыхъ владѣній, долженствующихъ еще расширить его границы до китайскихъ морей съ одной стороны и до Персидскаго залива съ другой. Оставленные имъ задачи тѣмъ не менѣе зрѣютъ медленно, но вѣрно, и берегитесь лавины!

Предшественникъ, послѣдователемъ котораго считалъ себя Петръ Великій, былъ современникомъ послѣдняго Валуа, и вотъ къ этому-то времени надо обращаться, чтобы раскрыть политическія и интеллектуальныя начала реформатора. Трудная задача, но лишь такимъ путемъ можно придти къ пониманію окончательныхъ результатовъ. Вотъ почему я предоставляю читателямъ этотъ томъ. Безъ сомнѣнія, меня упрекнутъ, почему я не съ этого началъ, но въ исторіи, какъ и въ анатоміи, нельзя начинать сначала, съ зародыша и клѣтки, т. ч. въ дѣйствительности я только слѣдую научному методу.

И такъ, съ 16-го до 18-го вѣка Россія жила почти внѣ всякаго общенія съ Европой и ея цивилизаціей. Но прежде она уже дѣлала усилія, чтобы выйти изъ этого замкнутаго состоянія, и то дѣло, которое вызвало сочувствіе Вольтера, зародилось такимъ образомъ въ то время, когда во Франціи царствовали Карль 9-ый и Генрихъ 3-й. Съ этого времени огромная и варварская Московія начала входить въ соприкосновеніе со своими западными сосѣдями. Но дорога была заграждена Польшей и Швеціей; понадобилось болѣе вѣка, чтобы устранить эти препятствія.

И, если бы не было Баторія, — стрѣлка часовъ исторіи сдѣлала бы свой оборотъ на сто лѣтъ ранѣе. Снаружи пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря, уничтоженіе остатковъ власти татаръ, завоеваніе Сибири и открытіе политическихъ и коммерческихъ сношеній совсѣми государ-

ствами Европы; внутри—введеніе началъ европейской культуры и реорганизація государства на тѣхъ началахъ, которыя мы видимъ теперь, все, что Петръ и Екатерина совершили, было задумано, начато и отчасти приведено въ исполненіе въ это первое утро цивилизаціи, за которымъ слишкомъ скоро нависли вечерніе сумерки.

Кто же это совершилъ?—Человѣкъ про котораго Кюстинъ пишетъ, что онъ перешелъ всѣ границы зла, дозволенные, такъ сказать, въ той сферѣ Богомъ его созданію, преступникъ, лицо котораго кошмаръ и имя Ужасъ; соперникъ Нерона и Калигулы—Грозный! Это самый любопытный примѣръ аберраціи въ области не только легенды, но и исторической критики.

И прежде всего это имя—Грозный (ужасный), которое я долженъ былъ написать на обложкѣ моего тома, чтобы обозначить о комъ рѣчь,—не точное имя. Русскіе вынѣшняго времени не замѣчаютъ этой неточности, допущенной при переводахъ на иностранные языки. Нѣмцы не могутъ рѣшить, какъ лучше перевести слово „Грозный“,—словомъ *der Schreckliche* или *der Grausame*. Обѣ версіи не точны, но вторая—хуже. Никогда Москвичи не называли такъ Ивана 4-го въ его время. Для нихъ онъ былъ „Грозный“. Однако, обратите вниманіе на слѣдующее: во время полемики Грознаго съ Баторіемъ послѣдній упрекнулъ своего соперника въ томъ, что онъ окружаетъ себя рындами, вооруженными сѣкирой, во время приема пословъ. Грозный ему отвѣтилъ: „Это чинъ государскій, да и *вроза*“, т. е. этого требуетъ мой рангъ и уваженіе, которое я долженъ внушать. Никогда „*вроза*“ не имѣла другого смысла.

Обратитесь къ „Домострою“ — знаменитому домашнему уставу Москвичей того времени, въ главѣ, гдѣ говорится объ обязанностяхъ отца семьи, отъ него требуется быть „Грознымъ“, т. е. внушающимъ уваженіе и уважаемымъ. Но что значать тогда убійства, эшафоты, уничтоженіе чело-вѣческихъ жизней, о чемъ говорятъ современники? Знаете ли вы въ 16 вѣкѣ какое либо государство Европы, одна глава исторіи котораго представляла бы идиллікъ? Въ Поль-

нѣ, быть можетъ, гдѣ шляхта, съ послѣдними ягеллонами, начинала гибельные опыты *poli me tangere?*

Баторій тамъ привелъ все въ порядокъ на нѣкоторое время. Но въ эти времена Московія и Польша были антиподами, и если одна имѣла успѣхъ, а другая нѣтъ,—это только потому, что не разбирали средствъ. Обратите ваши взоры на гигантскую равнину, гдѣ работала этотъ народъ, между Ураломъ и Карпатами, между Чернымъ и Бѣлымъ морями, и вы увидите, что не лаской, нѣжностью и благостью можно было смѣшать, перетереть и слить въ нераздѣльное цѣлое 20 различныхъ расъ, составляющихъ теперь Россію.

Возможно, что при этой работѣ Иванъ 4-й былъ болѣе жестокъ, чѣмъ нравы его вѣка. Мы объ этомъ еще поговоримъ послѣ. Но въ легендахъ и исторической критикѣ эпитетъ „Грозный“ сталъ синонимомъ жестокости безъ смысла и безъ оправданія, чисто варварскаго происхожденія, доведенной до крайностей въ своихъ проявленіяхъ, и для того, кто знаетъ могущество словъ, послѣдствія не оставляютъ сомнѣнія: слово паложило ложное понятіе на вещи.

Конечно, представленіе объ этомъ лицѣ и его сподвижникахъ не можетъ быть отдѣлено отъ нѣкоторыхъ ужасныхъ сценъ, и вамъ надо приготовить ваши нервы къ тяжелымъ испытаніямъ; но сквозь эти зловѣщія видѣнія вы, тѣмъ не менѣе, замѣтите то, что я называю восходомъ солнца.

Въ послѣднемъ изъ царствовавшихъ Гюриковичей (не считая Теодора, бывшаго только тѣнью) одинъ изъ вождей школы славянофиловъ—Кавелинъ уже отмѣтилъ центральную фигуру исторіи своей страны. Съ того времени попытки реабилитаціи этой фигуры умножились и доходили до крайностей.

Постараюсь разобраться въ этихъ противоположныхъ значеніяхъ и занять сторону истины. Я не считалъ возможнымъ предпринять это наученіе, не обзрѣвъ сначала географическихъ, политическихъ и соціальныхъ условій, а также интеллектуальнаго состоянія и правовъ страны, куда

историкъ не можетъ еще иначе проникнуть, какъ въ роли изслѣдователя. Первые четыре главы этого тома будутъ посвящены такому обзорѣнiю. За растянутость и подробности меня извинять: иначе я рисковалъ быть не понятымъ и говорилъ бы загадками. Этотъ ключъ необходимъ для большинства моихъ читателей.

Я мало пользовался неизданными документами. Тѣ документы, которые оказались мнѣ полезными, въ большинствѣ случаевъ уже опубликованы, частью же совершенно не доступны. Что касается литературы по этому вопросу то она очень обширна. И я не буду указывать на нее чтобы излишне не увеличивать произведенiя. Я долженъ прибавить, что литературный источникъ представляетъ еще сырой необработанный материалъ. Историкъ нужно еще поработать, чтобы создать стройное цѣлое.

Пусть мой другъ I. Щукинъ, богатая библиотека котораго и безконечная любезность дали мнѣ возможность совершить мою задачу, приметъ выраженiе моей глубокой благодарности.
